

въ чемъ и заключается самое святѣйшее, самое великое, то, что всѣхъ людей роднитъ между собою, дѣлая ихъ сынами и донерями Бога—отцовъ, ибо потому, что Богъ есть Богъ отцовъ нашихъ, Онъ есть и Богъ—отецъ нашъ. По причинѣ утраты дѣтственности изъ Толстого и выработался крайній индивидуалистъ, отрицатель христіанства и особенно послѣднихъ страницъ всѣхъ четырехъ Евангелій. Въ душѣ утратившаго дѣтственность Толстого Христосъ могъ только умереть и не могъ воскреснуть, какъ воскресъ въ душахъ неутратившихъ дѣтственности галилейскихъ рыбаковъ.—Этимъ я и кончу о моемъ отношеніи ко Льву Н-чу, къ которому питаю,—(не могу не питать),—всѣчайшее почтеніе, (не смотря на наше съ нимъ полное разномысліе), за его удивительное отношеніе къ разномыслящимъ съ нимъ. Такъ, къ 55-лѣтнему юбилею его литературной дѣятельности я издалъ брошюру: „Правда о великомъ писателѣ земли русской графѣ Л. Н. Толстомъ“, въ которой разбираются двѣ легенды Льва Н-ча—„*Ассирійскій Царь Ассармедонъ*“ и „*Три волгосса*“,—а затѣмъ въ особой статейкѣ разбирается и третья его легенда—„*Трудъ, смерть и болѣзнь*“. Въ этихъ брошюрѣ и статьѣ я позволилъ себѣ укорять Льва Н-ча, въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ, и послалъ ихъ, *анонимно*, самому Льву Н-чу. Онъ догадался, что это отъ меня исходитъ и прислалъ мнѣ такое письмо: „Милый Николай Павловичъ! Если я не ошибаюсь, это вы прислали мнѣ брошюру къ 55-лѣтію моему. Брошюра эта доставила мнѣ только удовольствіе именно воспоминаніемъ о васъ и дорогомъ, незабвенномъ Николаѣ Федоровичѣ. Мнѣ только очень жаль было видѣть, что вы съ недоброю относитесь ко мнѣ, тогда какъ я кромѣ самого нѣжнаго, добраго чувства не испытываю къ вамъ, а уже не говорю къ памяти именно незабвеннаго, замѣчательнѣйшаго чело-вѣка Николая Федоровича. Если я не ошибся, пожалуйста, напишите мнѣ прямо; мнѣ очень дорого будетъ общеніе съ вами. Очень сожалью, что не могу согласиться съ тѣмъ, что вы пишете, такъ строго разбирая мои очень неважныя, слабыя легенды. Не могу согласиться, потому что теперь, стоя на порогѣ плотской смерти, все больше и больше убѣждаюсь въ благотѣльности плотской смерти и невозможности смерти того духа, которымъ живу, если живу имъ, т. е. любовью.—„И мы знаемъ, что мы перешли отъ смерти въ жизнь, если любимъ братьевъ. Нелюбящій брата не имѣетъ жизни вѣчной, пребывающей въ немъ. Любящій же брата имѣетъ жизнь вѣчную, пребывающую въ немъ“. Я не только вѣрю въ это, но всѣмъ существомъ испытываю истинность этого.

Любящій васъ Левъ Толстой.

2 февраля 1908. Ясная Поляна“.

Получивъ это письмо, я послалъ Льву Николаевичу книгу—„Философія Общаго Дѣла“ и предупредилъ, что онъ найдетъ въ ней много о себѣ злого, а вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ и убѣжденіе, что онъ найдетъ въ этой книгѣ много и такого, что примиритъ его со всѣмъ злымъ, объ немъ самомъ въ ней заключающемся.—Мнѣ остается, преклонившись предъ удивительной нравственной высотой Л-ва Н-ча, пожелать, что-бы Левъ Николаевичъ, хотя при концѣ жизни обратилъ вниманіе на призывъ къ дѣлу